

Вячеслав Прах

**МОЯ КОЛЛЕКЦИЯ
БАБОЧЕК**

Сборник рассказов

Вячеслав Прах

**Моя коллекция бабочек.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Прах В.

Моя коллекция бабочек. Сборник рассказов / В. Прах —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830475-0

Сборник рассказов автора. В него вошли: «Записки без почерка», «Твой оборванный сон», «Людам не хватает губ», «Семь дней», «Письма к Ляле», «Моя коллекция бабочек» и другие.

ISBN 978-5-44-830475-0

© Прах В.
© Издательские решения

Содержание

Записки без почерка	6
Твой оборванный сон	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Моя коллекция бабочек
Сборник рассказов
Вячеслав Прах

© Вячеслав Прах, 2016

ISBN 978-5-4483-0475-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Записки без почерка

«Сожги меня. Пусть догорают буквы, страницы. И глаза слезятся от дыма, которым я заполню твои легкие. Вдохни последний раз, как первый. А затем – сожги и себя...

Твоя В. (ноябрь 94-го).»

Нас бы назвали любовниками, хотя мы предпочитали называть себя недолюбленными. Люди без прошлого и будущего, пленники настоящего. Если бы кто-то спросил, правильно ли все это, я бы, несомненно, ответил, что по-другому быть и не могло.

Меня всегда удивляло – почему люди так боятся того, что чувствуют, чем живут и недо-сыпают, о чем думают и ради чего готовы погубить себя. Они так боятся быть ненужными, что невольно обрекают на это других. Но это было не про нас. Нет.

Когда два человека не имеют ничего, они, несомненно, имеют все. Что может быть общего у людей без завтра? – Сегодня. Ведь в тех краях, где заканчивается время, прекрасно знают, как важна каждая секунда. В минутах застывает вечность, в объятиях теряется реальность, от касания сходят с ума.

Мы жили одной сплошной изменой к себе. Предавали друг друга в собственных записках, что так верно хранили все эти годы.

***

«Здравствуй, родная. Я получил твое письмо и перечитывал шесть вечеров подряд, шесть ночей твои слова не давали мне покоя. Представлял себе, как ты сидишь поздней ночью на кухне, втайне от мужа, и пишешь мне. Ты знаешь, это письмо пахнет теми самыми духами, что я так полюбил. Даже после твоего ухода этот аромат оставался на моей подушке и пьянил меня перед сном. Конечно, ты представляешь... Я понимаю тебя сейчас, как никто другой. Пойми и ты меня, сбежать – это не выход. Это скорее мечта, неосуществима, но так желанна. Как бы горько это ни звучало, но мы стали тяжелым грузом, который несем за собой в любой путь. Может быть, это расплата за наши ошибки, а может, судьба так пошутила над нами. Кто знает. Тем не менее, ты всегда останешься для меня той птицей, что так редко залетает в мое окно и приносит с собой целый мир на своих хрупких крыльях. Той птицей – прилетая, чтобы улететь и возвращаться после каждого «никогда»...

Твой В. (ливни 85-го)»

Та осень была единственной, когда я ощутил ее живой. За пальто люди прятали простуженные, другими людьми, легкие. Болели. И я болел, но только не людьми. Осенью. Она обостряла и без того острые углы ушедшего. Воспоминаний. Чужих секретов и молитв. Ей не важно было кто ты – тринадцатилетняя школьница или сорокалетний семьянин. Она ломала всех, в чьих сердцах таилась трещина.

Мы познакомились в октябре и лечили друг друга горячим чаем и поцелуями – это было, пожалуй, лучшее лекарство от всего на свете. Мне тогда было двадцать три, хоть и всем моим видом можно было смело дать тридцать. Худой, в черном плаще и мятых брюках. Темные волосы, короткая стрижка и взгляд. Взгляд человека, что так и не нашел себя в этом мире. А она тогда встречала свою тридцать вторую осень, хоть я не дал бы ей и двадцати пяти. Ох, как она красива была. Стройная. Голубые глаза, что просто невозможно было забыть. Глаза с глубиной океана. Интересно, много ли утонуло в них? Высокий каблук, прямые плечи. Яркая помада. Тот идеал, что привыкли называть «журавлем в небе» многие орлы, а их синицы –

сердито молчать вслед. В ней видели шикарную, недоступную, краткую. И не важно, свободна она или нет, вряд ли кто мог осмелиться к такой подойти. И многие бы предпочли быть у ее ног, чем на уровне губ. Но только не я. Для меня она была обычной, слабой женщиной, которая просто устала быть мужчиной.

Такие как она, в основном, бывают с теми, у кого кроме денег ничего нет или с чертовски красивыми мужчинами. Я ни к одной из этих категорий не относился. И что она во мне нашла?

С первого дня нашей встречи мы скрывали друг от друга: я – своих неполных двадцать четыре, она – целого мужа. Если бы тогда я был немного повнимательнее, хоть малость не теряя голову, я бы заметил...

«Я была на вашей свадьбе, но ты на меня даже не посмотрел. Стояла у окна, прижавшись к стенке, чтобы просто не упасть и не сползти по ней на пол. Как же я была подавлена. Зажимала ладонью рот, чтобы никто не услышал, как я прощаюсь с тобой. Я была настолько мертва, что и жизни не хватит, чтобы это почувствовать... А знаешь, ты был таким красивым в том костюме. Первый раз за все время я увидела тебя догола выбритым и таким серьезным. Непредсказуемым. И что самое страшное, знаешь? Ты был твердо настроен к этому шагу, в твоих глазах я не увидела ни капельки сомнения. А так пыталась рассмотреть... того нерешительного, но спокойного, что горазд был послать все к черту в последний момент и сделать наоборот. Где он? Где ты и кем ты стал?

Как ей повезло с тобой. Нет, пожалуй, не так. Что же она такого сделала, чтобы взять на себя чужой грех? Мой грех. Я ей желаю столько слез, сколько она любить будет чужого мужчину. Моего мужчину. Желаю мерзнуть ей столько ночей, сколько она тепла отобрала. Чужого тепла. И пусть ей будет не хватать столько тебя, сколько себя я отдала. Безвозвратно.

Ты даже представить не можешь, мой черствый, каково мне было возвращаться в пустой город. Пустую квартиру. Чтобы разделить кровать с тем, с кем делить мне было нечего. Он меня тогда хотел. Единственное, чего хотела от него я – плевать...

Ненужная В. (июль 81-го).»

– Ты спишь?

– Нет, я думаю.

– О чем ты думаешь?

– Обо всем и сразу – определенно ни о чем, – улыбнулся я.

На самом деле, в тот момент мне было над чем подумать. Больше всего не давал покоя вопрос, что такая женщина, как она, забыла в этой дыре? В этой маленькой квартирке на узком диване с человеком, который не имел ничего. И надолго ли она задержится, когда осознает, что я самая безнадежная ошибка в ее жизни. Играет. А нужно ли мне это? В любом случае, выставить ее среди ночи за дверь – плохая затея.

– У меня было много разных мужчин, но оргазм от молчания я испытала впервые. С тобой!

Был ли это комплимент, я так и не понял. Но мне показалось, что-то в ее словах есть. Мне тоже приятно было просто помолчать. Послушать себя.

– А у тебя много было женщин?

Слишком много вопросов для второго секса. И действительно ли ее это интересует?

– Целых три, – ответил я.

– Так мало. Ты, наверное, их любил.

– Я скорее горжусь, что не спал со всеми подряд.

– По твоему, если у женщины было много мужчин, значит она..., – возмущенно начала она.

– По моему – так, как я сказал, не накручивай себе, – оборвал ее я.

Отвернувшись к стенке, я слышал, как она одевалась и что-то повторяла про себя. Ее задели мои слова, вывод – доля правды в них присутствовала. Для нее. Она услышала то, что хотела услышать. Да, женщины – они такие. Все им всегда нужно знать, а чего не знают – сами себе придумают. От этого их все и беды.

– И куда ты пойдешь в три часа ночи?

– Это не твое дело, – со злостью отрезала она, – и что я, дура, забыла здесь? Не понимаю. Знаешь что? Я ошиблась в тебе. Мне показалось тогда, что ты не такой, как все.

– Вам, женщинам, каждый раз так кажется, особенно если этот кто-то умеет слушать и мало говорить. Это, пожалуй, ваши любимые грабли, – с улыбкой произнес я.

– Да, я ошиблась дважды – ты еще хуже.

– Давай поступим так: ты сейчас разденешься и ляжешь спать, если хочешь, я могу постелить себе на полу. А утром уйдешь. Договорились?

– И с чего это ты стал таким заботливым? – ехидно спросила она.

– Просто хочу, чтобы ты осталась. Разве это так много?

– Хорошо, но больше ноги моей здесь не будет. И еще одно – ты все равно спишь на полу, – улыбнулась она.

На самом деле, я больше переживал за то, что в три часа ночи такой девушке нечего было блуждать по городу одной. И отпускать ее – было бы действительно подло. Тем более, эти мысли не дали бы мне нормально уснуть. Такой уж я человек, переживаю за тех, кого впустил в свою кровать.

Когда я проснулся, ее уже не было. С моим то сном, уйти и не разбудить – это искусство. Наверное, у нее был большой опыт в этом деле. Не сомневаюсь.

Подкуриив сигарету, я заметил на столе ее часы и записку. Наверное, очень торопилась, раз забыла на таком видном месте. Но то, что она написала, заставило меня улыбнуться.

«Я забыла у тебя свои часы. Представляешь?»

«Здравствуй, В. Так много хотелось тебе сказать, чего ты никогда от меня не услышишь. Отпустить? Нет, я никогда тебя не держал и не в праве на это. Понять... Мне бы только тебя понять. Разве я прошу так много? Ты падаешь. И, падая все ниже, так отчаянно цепляешься за воздух. Ты летишь в самую бездну в надежде, что я прыгну за тобой. Если бы ты боялась разбиться... Я знаю, ты склеишь себя, соберешь по частям и яркой тушью скроешь от глаз то, что позволяла видеть моим. Свой дождь...»

Если бы я знал, что твое тело принадлежит другому, я бы никогда не позволил к нему прикоснуться. Если бы я знал, что твои губы шепчут чужому, они бы навсегда остались немые. И руки... Эти до предательства горькие руки. Им место там, где оставляют свое сердце. А ты забыла их на мне...

Твой В. (февраль 83-го).»

Мало шептать о любви ночью, если утром от нее не останется и следа. Намного вкуснее готовить завтрак с мыслью, что впереди остывает и ужин. Утренняя страсть. А страсть, как и кофе – не теряет свой вкус, если его подавать горячим.

Она лежала в моей рубашке, с расстегнутыми верхними пуговицами. Это особо подчеркивало ее грудь. Больше на ней не было ничего. Ничего лишнего для художника, что не мог насмотреться на свой шедевр. Свою картину. Я видел в ее глазах больше мира, чем за окном. И взгляд. Она смотрела так, будто это я перед ней стою обнаженным. Она смотрела глубже.

За десять дней совместного душа и теплого пледа я узнал о ней многое – начиная с семи комплектов ее нижнего белья, заканчивая именами всех ее мужчин. С каждым днем все больше

убеждался, что она – неотъемлемая часть этого уюта. С ней было комфортно и легко. Это было важно. Как все может измениться с ее уходом, ведь мне не хотелось больше возвращаться к старой жизни – тишине и глубоким мыслям. Тех бессонных ночей с запахом окурков. Но как прежде уже не будет. Нет. Порой возникало чувство, что это я у нее был гостем. Так забавно, она никогда не робела, когда раздевал ее догола, но смущалась каждый раз, когда укрывал потеплее. Не было больше и беспорядка, все было аккуратно разложено по своим местам. Не удалось скрыть от нее ничего. Да и что мне было скрывать – три открытки из прошлого с дорогими словами и дешевым почерком. И вот зачем я их столько хранил? Она, будто читая мои мысли, сразу же отправила их в самое подходящее место – мусорную корзину. Или пару альбомов из детства – вот они действительно имели для меня огромную ценность. Я их часто пересматривал. А она, улыбаясь, повторяла, что я на себя совсем не похож.

Я уже и забыл, что ночь – время не только громкой тишины, но и откровенных разговоров. Чувства внезапной радости и приятной грусти. Мне не нужна была ночь, пока не с кем было ее разделить. И так стало мало ее, когда начал в ней нуждаться.

– Зачем ты перед сном мажешь лицо и руки кремом?

Она улыбнулась слегка огорченно.

– Я уже не так молода, как раньше. И моя кожа постоянно об этом напоминает. А крем, нет – он не моя молодость. Он, скорее, для поддержки в тоне моей самооценки. Я не ощущаю себя лучше, просто убеждаю в этом других. Но больше себя.

– Ты прекрасна. Тебе это вовсе не нужно, я бы заметил.

– Знаешь, я бы не удивилась, заметь ты это раньше. Но не сейчас. Твои глаза слишком влюблены, чтобы смотреть мимо моих.

В то прохладное утро я проснулся один, с большой теплой вмятиной слева от меня. Сбежала, не оставив записки. Не нужно было слов.

***

Она закурила. Так неумело и слегка наигранно. Я курю с тринадцати лет и такие мелочи бросаются в глаза невольно. Она молчала и каждый раз, когда хотела что-то сказать, – тянула сигарету глубже. Другая. Совсем чужая. Не была она и привычно одета. Белая футболка, темные штаны и затертые серые кроссовки. Ни грамма макияжа, ни следа от каблуков. Как она изменилась за два года. Увидев среди прохожих, я бы просто ее не узнал. А раньше не заметить было ее невозможно.

Мне было больно на нее смотреть. Она была не со мной, а где-то далеко. Что-то тихо себе говорила, но разобрать было невозможно. Взяв ее руку, я хотел сказать, но она меня перебила.

– Ты с ней спишь?

– Я с ней просыпаюсь.

Она громко засмеялась и закрыла глаза ладонью. И с каждым разом ее смех становился мягче и скользил каплями по лицу. Внезапная боль. Резкая и настолько точная. Мне болело в том месте, куда однажды войдя – не находят выход навеки. Со всей силы я прижал ее к себе, боль становилась сильнее и громче. У меня не было сил ее отпустить, ослабить. Она целовала меня всего и от этого мое лицо становилось мокрым. Она оставляла свои слезы в тех местах, где коснулись ее губы. Я хотел кричать во все горло, впервые за эти два года я ощутил себя живым. Настоящим. Не скрывая своих эмоций...

– Прощу, ненавидь меня, злись и никогда не прощай, но только не относись ко мне равнодушно. Ударь меня. Пусть лучше мое тело болит, но ты же привык бить туда, где не заживает. Ты самый нежный и самый жестокий. И самое страшное – это надежда. Ты мог забрать все и, хлопнув дверью, похоронить нас за порогом, но надежду ты мне оставлял всегда...

– Зачем?

«Дорогой, В. Мы не можем исправить прошлое, но никогда не поздно начать с настоящего. Я устала и с каждым днем все больше становится невыносимо. Я так больше не могу. Давай сбежим, уедем далеко и навсегда, где нас никто не сможет найти. Просто исчезнем. Оставим все, чтобы больше никогда не оставлять друг друга. Дети должны рождаться в любви, а не в обстоятельствах. И знать они должны не только свое отчество. Я стану лучшей в мире мамой, если буду знать, что сзади поддерживают руки. Крепкие и верные. И я не упаду... Обещаю.

Твоя В. (ноябрь 83-го).»

...Они бросают громкие слова, а со временем забирают их обратно. Меняют адреса, письма и получателей, им кажется, что так они меняют жизнь. Топчут самое дорогое, оставляя следы, а убегая – так и не находят по ним дорогу. Они вечно опаздывают на свой поезд, а с его уходом – так отчаянно бегут ему вслед. Молчат, когда важно каждое слово и начинают кричать, когда никто уже их не слышит. И порой они могут ждать бесконечно долго. Знаешь... Вот только – чаще их уже не ждут. Люди...

– А чем отличаемся мы?

– У нас нет ни времени, ни будущего. Вот поэтому мы всегда приходим вовремя.

***

Отель. Тихая февральская ночь со вкусом вина и встречи. Белая, как простынь, и голая, как тела на ней. Ночь с запахом парфюма и страсти. Под ногтями кожа, шея и спина в красках. Так верно выключить мир, город, поставить на паузу свои заботы и мысли. Оставить все и потерять в мгновении. В этом тихом отеле под звездами, где светили мы, а не сторали, где заканчивалось время и восходило солнце, где предательством было – просто уснуть...

– Что будет завтра?

– Не думай о завтра, у нас есть целое сегодня.

Но я ее тогда обманул. У нас не было и половины сегодня, наше всегда имело конец и никогда – начало.

– Скажи мне что-то важное...

– Тебя настолько нет, что ты везде.

«... Она делает вид, что ничего не замечает, ей так легче. Чем каждый раз видеть в моих глазах счастье, к которому она прикоснуться не может. Не может разделить, но думает о причине. И каждый раз, когда она кладет свою голову мне на грудь, возникает чувство, что там лежит камень. Холодный и тяжелый, но куда хуже – он лежит и на душе. И нет, не она его туда положила, это я сам позволил ему там быть. Часто не жалею я ее совсем, но уважаю всегда. Это мой выбор. И пусть я не могу дать ей романтики и нежных слов, но что бы ни случилось, я всегда буду держать ее за руку и защищать, как свое дитя. Уважать – это ставить выше себя, выше своих принципов, потребностей и желаний. Это когда она берет мою зубную щетку, даже не догадываясь, как меня это раздражает, а я молча полощу ее и ставлю на место. Когда она рассказывает, как прошел ее день, а я молча слушаю, хоть мне это вовсе неинтересно. И, пожалуй, труднее всего – это показывать, как я ее хочу ночью, чтобы утром она не хотела меня будить...

Твой В. (снежный март 85-го).»

– Ты снова уезжаешь?

– Да, я скоро вернусь. Так нужно.

– Постой! Ты забыл кое-что.

Действительно, я забыл поцеловать ее на прощание. Ей всегда это нужно было – перед сном, каждое утро, даже выходя на минуту, она приучила меня целовать.

– Ты забыл свои часы!

Она не была особенной, нет. Ни в первый день нашей встречи, ни за четыре года совместной жизни она не пользовалась косметикой. Ей не нужно было подчеркивать свою красоту, она предпочитала быть естественной. Мне это безумно нравилось раньше. Она любила заварить чашечку кофе и углубиться в книгу поздним вечером и чаще она была в себе, чем во мне. Я никогда ее не отвлекал, как и она меня. А порой, мне казалось, что она идеальная...

***

...Это как вкусный пирог, съешь маленький кусочек и тебе захочется еще. Трави себя по крошкам и ты будешь сходить с ума от голода. Так было и с нами. Чем меньше нас было, тем больше мы голодали. И тем вкуснее мы ощущали каждый завтрак. В то время как переедание часто вызывало тошноту. Но мы ее оставляли дома.

– У меня есть хорошая новость, – с радостью в глазах прошептала она.

– И у меня, – огорченно сказал я.

В тот момент нужно было что-то менять и я это прекрасно понимал. Нельзя всю жизнь убеждать от правды и выдавать за правду ложь. Как и нельзя убрать со взгляда преданного человека свое предательство. Так или иначе, смотря человеку в глаза, ты видишь свое отражение.

– Начни со своей.

– Он подал на развод, это наш шанс начать новую жизнь. Представляешь? Мы можем все изменить. Начать с чистого листа и ставить запятые после точек. Клеить обои в свой новый дом, чтобы потом наши дети на них рисовали. Лежать каждую ночь и благодарить Бога за прожитый вечер. Забыть это все, как страшный сон и никогда к нему не возвращаться. Что может быть прекраснее этого?

– Да, ты права. Это шанс...

Стоя перед выбором, ты стоишь на самом краю обрыва. Сделай шаг вперед и ты разобьешься, отступи назад и останешься цел. Но цена любого шага слишком высока и поэтому многие предпочитают оставаться на месте...

«Здравствуй В. Она прелесть. Глаза, что я так полюбила, твои глаза у нее. Знаешь, я никогда не могла в них насмотреться, я смотрела, но не видела. А теперь я смогу смотреть чаще, спасибо тебе за фотографию.

Мне уже тридцать восемь, представляешь? А чувствую я себя на все сто. В мои года детей уже замуж отдают, внуков ждут, а я... Забавно, мы знакомы уже шесть лет, а ты так ничего обо мне и не знаешь. А, может, просто не хотел знать? Да, в свои двадцать я была хороша. Меня носили на руках, а когда уставали одни – я меняла на другие. С улыбкой вспоминаю, как я верила в вечерние сказки, а наутро от сказочников и следа не оставалось. Я была такой наивной... Повторяла свои ошибки снова и снова. Ведь я верила, что найду того, кому будет хорошо, не снимая мой лифчик. И я нашла, представляешь? Даже вышла за него замуж, но в скором времени поняла, что это ошибка. Очередная. Он был хорошим, вот только я с ним чувствовала себя плохой. Ты, наверное, спросишь меня – так что же тебе нужно было? Я сама не знаю. Но с тех пор все было по-другому. Я перестала искать, а меня начали находить. И мне плевать было – кто ты, но если ты ко мне подошел, значит, тебе что-то от меня нужно. Так было со всеми, я привыкла быть одна. А вот ты... Ты был немного другим. Не пытался положить меня к себе в постель и только поэтому я ложилась в нее сама. И часто возникало чувство, что я тебе совсем неинтересна. Но ты меня слушал, а я всегда хотела слушать тебя. О чем ты молчишь, с кем разделяешь мысли и даже какая прическа была у твоей бывшей. Но ты ничего

не говорил, а самое главное, ты никогда ничего не обещал... Именно это каждый раз заставляло меня возвращаться.

Твоя В. (август 87-го)»

***

Она сидела напротив меня, а я никогда еще не чувствовал себя таким одиноким. На расстоянии протянутой руки я не ощущал свою вселенную. Я мог к ней прикоснуться, но мое сердце не ускоряло свой ритм. Мои зрачки не становились шире с каждым взглядом. И порой мне было некомфортно от такой близости...

Это как узкая дорога для одного путника. Ты можешь взять в нее кого угодно, но идти они будут сзади либо спереди и никогда рядом.

– Когда я еще смогу тебя увидеть?

– Каждый раз закрывая глаза...

«Вот ты сейчас бежишь к нему, хоть не знаешь о нем совсем ничего. У вас нет общего, кроме царапин на спине и утреннего кофе. Нет страстных поцелуев и разговоров после... Ты даже не знаешь, кто ты для него или тебе просто неинтересно. И позволь предположить, что ты многое бы отдала, чтобы больше к нему не бежать. Не искать в нем то, что ты так усердно не находишь. Ты прикладываешь его к своим ранам и надеешься, что это тебя вылечит. Как же ты ошибаешься. Впрочем, как и я раньше. Запомни, родная, тебе сейчас никто не поможет – ни он, ни полмира ему подобных, пока твой собственный мир разрушен. Так глупо пытаться убежать от своих мыслей и громких криков, которых не слышит никто. От недосказанности. А убежать к кому? – К себе. От кого? – От себя. Так глупо.

Полюбить! Снова? Заполняя одну пустоту другой, твоя чаша никогда не сможет наполниться. Только догорев, ты никого собой не обожжешь. Отсутствие нужного человека – душевный ад, мне это известно. Но только отсутствие может придать особый вкус каждому присутствию. Вкус момента. И одним моментом – вкус всей жизни. Сейчас тебе нужен покой и шоколад. Лишь когда ты обретишь душевную тишину, ты сможешь заново полюбить. Просто верь мне...

В. (декабрь 91-го).»

***

Они гуляли в парке возле детского сада. Он и его маленькая копия. Она держала его за руку и рассказывала про мальчика, что постоянно дергает ее за косички.

– Он тебе нравится?

– Да, мы даже спим на тихом часу рядом.

– Так рано доченька, а ты уже влюбилась...

– Я не знаю, папа. А мама любит дядю, с которым спит?

Твой оборванный сон

*Спасибо тебе за то, что однажды вошел в нашу семью. Ты оставил после себя так много.
Самому светлому человеку посвящается...*

В тот день, когда он умер, не наступил конец света. Даже не было грома, а дождь начался только внутри тех стен, где еще вчера слышался его голос. Это стало мировой трагедией для одного человека, последним кругом ада, когда весь мир сгорел дотла, а она босиком ходила по еще теплому пеплу. Сгорел дом, который он построил своими руками, она входила в него, боясь прикоснуться к тем стенам, к тем обвалившимся балкам, казалось, вот-вот земля под ногами станет рыхлой, и тело провалится в пропасть. Она не узнавала больше тот родной дом, это было чужое место, чужие окна, чужой двор. Вслед за домом сгорела мечта. Когда пламя охватило ноги и уже касалось пальцев руки, Юлия осознала, что она не может сгореть, как бы ей этого ни хотелось. Каждая клетка тела испытывала невыносимую муку, ярость, борьбу. Она боролась с собой, чтобы хоть на секунду не поверить тем лгунам, не усомниться в том, что он живой. А черные лица бывают лишь в страшных снах. Закрой глаза, вокруг тебя столько родных, что ни одна рука не позволит тебе прислониться к холодному полу. Когда умирает самый родной человек – ты не умираешь вместе с ним, вместо этого остаешься, чтобы смотреть на его смерть. Когда его не живого моют, одевают в самый нарядный костюм, кладут в гроб, читают молитвы и отдают земле. Если такое испытание выносит человеческая душа, то что это за слово такое – «невыносимо»?

Я не видел твоей смерти и не попрощался с тобой, возможно, поэтому в моей памяти Ты остался живым.

В тот же день я написал Юлии письмо.

«Я знаю, ты сильная», – говорил я самой слабой женщине. Знала бы она, что однажды судьба или Бог оторвет ее душу прилипшую, мокрую от тела того, чьи шаги она бы узнала за миллион километров, дорог. Захотела бы она сбежать при первой же встрече, закрыться на сотни замков и дать клятву забыть навсегда ее будущего? Я думаю, нет. Ведь даже, если бы он пришел к ней безногим, она бы целовала колеса. Губами горячими холодный металл. Она бы приняла его на пороге и отнесла на руках к детям...

«Папа живой, он останется навсегда», – не дано зачитать по остывшим губам.

«Мы знаем, ты сильная», – говорили они, когда она проронила бокал с белым вином. Когда были в крови ее руки, а лапы огромные рвали на части ее шею и грудь. Когда она подавилась всего на секунду, для тех, кто стоял в стороне, показалось, что она на неделю умолкла, забыла, как говорить. Как попросить, чтобы его сегодня же привезли и вернули? Она ведь не все сказала ему, никто снаружи не знает о планах, что остались внутри. Когда клыки ледяные разодрали живот, а весть о том, что от голода умирают, грела ее намного сильнее слов «мама», «поспи сегодня с нами», всем показалось, что с ума сошли все, кроме нее. И что утро никогда не наступит при полной луне.

Я знаю, ты слабая. Замерзшая, голая. Тебя оставили зимой на дороге от холода погибать. Каждый считает, что его рубашка будет теплее, укутывают, как лялю. Ласкают. И ждут, когда ты встанешь, отойдешь от недуга и начнешь дальше жить. Будто так просто проснуться, когда ты всего лишь умер. Когда ты немного при жизни и различаешь лишь те голоса, в которых никогда больше не будет нужного. Голоса... Мечты отмирают в утробе. Ель пахучая и живая. Искусственный снег.

Это всего лишь письмо из снежного ноября от твоего младшего брата. Это всего лишь слова, которые тебя не смогут обнять».

Я бы хотел тебя обнять, родная.

Уже третий день его нет. Эти слова для меня настолько чужие и холодные, что я не мог произносить их вслух. Бедная... Как это страшно, когда боишься остаться одна в собственном доме. Заблудиться в темном коридоре и не найти выход, куда бы можно было сбежать. Все настолько чужое вокруг, что и себя ощущаешь чужим. Юлия говорит, что сейчас у нее много слез потому, что Он не позволял ей плакать при жизни. Когда женщине дарят цветы и внимание, она цветет и пахнет. Да, это правда. Юлия становилась только красивее с годами. Когда мы с ней куда-то выходили вдвоем, многие думали, что мы пара, хоть я на тринадцать лет ее младше. Я теперь переживаю за ее красоту...

Письма, отправленные в небо...

«Я ничего не понимаю, папа. Все куда-то мчатся, спешат. Очень много родных сегодня у нас собралось, так бывает в мой День Рождения. Остальных я не знаю, так много чужих людей. Они не обращают на меня никакого внимания, проходят мимо, отодвигая меня аккуратно в сторону, а раньше я не слезала с их рук. Я самая яркая, самая любимая, самая маленькая. Красавица и принцесса. Папа Андрей, я тебя давно не видела у нас дома. Я больше никогда тебя не увижу? Взрослые говорят, что я тебя не запомню. Они думают, что я крохотная и не слышу того, о чем они говорят. Я все понимаю. Даниил мне сегодня сказал, что ты на небе, в раю. Что ты увидишь Бога и станешь нашим ангелом. Это ему так мама сказала. А еще они говорят, что ты сильнее любил меня. Я ведь папина дочка. Я ведь твой последний шедевр. Когда я стану взрослой, меня будут спрашивать, а я скажу, что мой папа умер, когда я была очень маленькой. Я вырасту и пойму, как сильно ты меня когда-то любил.

Твоя принцесса, Диана».

«Мне не нужно ничего, пусть Бог заберет все, что есть у меня: мое зрение. Я стала так плохо видеть, размыто, всматриваться в знакомые лица, чтобы вспомнить на секунду, признать. Мой слух. Я пропускаю все разговоры, все звуки, все стуки, я уже стала стеной. С каждой минутой я понимаю, что слышат глухие – они слышат не море. Что видят слепые – они видят не тьму. Мой голос. Забери и его! Когда в последний раз я проронила хоть слово, скажи. Это было вчера или два года назад?

Забери мою красоту, мою женственность, мои оставшиеся дни забери. Только не трогай моих детей, чужих детей и тех, кому мы нужны. Я взамен отдам свою честь. Верни мне его!»

Поставьте перед ней стакан с отравленной водой, и она выпьет его залпом.

– Ты обязана жить. Тебе есть, ради кого.

Письмо мужчины.

«Привет, папа. Я теперь защитник семьи. Я слушаюсь маму, она сказала, что теперь я единственный мужчина в доме. Я помогаю ей во всем, не бывает «женской» и «мужской» работы. Я всегда для нее буду надежной опорой. Когда она берет меня за руку, я чувствую, что моя рука сильнее ее. Ты был большим и сильным, таким становлюсь и я. Нам сейчас особенно трудно без тебя, мама себе во многом отказывает, чтобы мы были сыты и хорошо одеты с сестрой. Я хочу вырасти и заработать много денег, как ты, чтобы мама больше никогда себе не отказывала. Она очень красивая, красивее многих мам. Она очень любит нас, хотя иногда

раздражается, если я делаю что-то не так. Но потом успокаивается, плачет и целует всего меня, как маленького ребенка, я уже вырос давно, но она этого не замечает. Еще я присматриваю за Дианой, у мамы сейчас очень много дел. Мы каждый день тебя вспоминаем, папа. Я помню, как ты катал меня на машине, отвозил на футбол. Я не брошу занятия, только теперь буду ходить пешком.

Тебя нет всего пару дней, но если бы ты вернулся, то увидел бы, что за это время изменилось все. Если бы ты вернулся, тебе были бы так рады, как никогда. Мама перестала бы плакать и стала бы самой счастливой на свете, она родила бы тебе еще одного малыша, нашего братика. Да, она так говорила. А мы с Дианой обнимали бы тебя каждый день так, словно завтра тебя снова может забрать у нас Бог.

Так жаль, что ты не можешь умирать, а затем, спустя пару дней, возвращаться. Тебя тогда любят сильнее.

Твой сын, Даниил».

Если сравнить эти три письма, то можно обнаружить, что они пишут об одном и том же. Об одной трагедии. Только дети обращаются к отцу, пытаясь разглядеть в синем небе его очертания, а Юлия – к Богу, сталкиваясь с призраком на каждом углу этого дома.

Это был траур. Но все жили, при этом продолжали ходить на работу, заниматься бытовыми вопросами, будто ничего и не произошло. А если и было что-то, то это не оставило след в их душе. Только самые близкие почувствовали внутри себя опустошенность, тот ком горечи в горле, а с век роняли жалость к себе, но и они продолжали жить. Мир не перевернулся, не вспыхнули пламенем дома, города и страны. В тот день даже не было дождя, а мир и не знал, что на одного человека сегодня стало меньше.

Когда я спустился во двор и вышел на многолюдную улицу, я нес в себе катастрофу, словно бомбу внутри себя, мне казалось, что вот-вот взорвется весь город. Но ничего не взорвалось, прохожие шли себе куда-то и скрывались медленно за углами улиц. Молодые смеялись громко, веселились, влюбленные целовались открыто у всех на виду. И только я понимал, что у них всех сегодня праздник, ведь время еще не пришло отнимать самых близких людей.

Мне хотелось, чтобы каждый прочувствовал это горе, пронес его в себе, чтобы по телу пробежалась ледяная дрожь, а глаза стали пустыми, стеклянными. Я жестоко желал, чтобы их сердца охватила тревога и мука. Я хотел, чтобы у каждого Бог отобрал кого-то в семье.

Адресат получил ваши письма, родные. Птицы доставили весточку о нем с Небес...

«Здравствуйте, дети. Здравствуй, Юлия. Мой вам низкий поклон.

Есть такое место – его называют Небом. А небо в Раю... Вы – мои сны. Я закрываю глаза и вижу вас. Мне сейчас очень трудно покинуть землю, она сырая от ваших слез. Если бы вы знали, что сердца ваши горячие и больные терзают меня каждый раз, разбивая на миллионы осколков, частиц. Не желали бы вы мне покоя, любимые и земные? Я расскажу вам правду. Врачи солгали, что меня больше нет. Они не видели, как я встал и покинул палату, они так были озабочены моим телом, что даже не заметили, как босиком я направился к выходу по холодному коридору. Я проходил их насквозь. Они солгали, что я умер в четыре утра. Я не умер, а встал и ушел, облегченным. Все тяжкие боли покинули меня. Я не видел свет в конце тоннеля, но я видел вас. Тебя, родная моя, любимая, ты так крепко спала, что будить тебя не хотелось. Я поправил волосы на твоём лице, ты видела это, вспомни. А я видел ту гримасу боли, застывшую на твоём лице, когда тебя разбудили. Я ведь снился тебе! Дети, вы меня не слышали тогда, хотя Диана проснулась, когда я уже уходил. Я вас запомнил совсем еще маленькими, вы давно уже выросли из своих пижам. Как жаль, что вы меня не запомните. Не так, как хоте-

лось бы мне! Я вас помню, и не было еще ни минуты, чтобы я не подумал о вас. Не верьте ни единому слову того, кто скажет, что меня больше нет. Это не так, просто получилось, что я вас могу видеть и слышать, а вы меня нет. Только дети, но вы вырастаете из своих маленьких комнат. Я даже вижу своих будущих внуков, у нас время разное. Когда наступает утро у вас, у меня уже полночь. Юлия, не плачь! Не плачь! Я говорил вам, что вы мои сны? Я закрываю глаза и вижу вас...

Я рядом... До встречи... Я рядом... Даже когда поостынут ко мне ваши сердца... До встречи на всех языках мира... Мое сердце полно вами навсегда...

Ваш папа. Из теплого Рая.

А вы знали, что у нас не бывает зим?»

А что, если переиграть весь сценарий? Пусть тот страшный день пройдет, а он останется жив. Он проснется, откроет глаза...

Юлия лежит возле него, улыбается. Сонный он, а она всю ночь не спала. Смотрела на его лицо и не могла насмотреться, она мечтала, чтобы он уже проснулся, но сама не хотела будить. Пусть спит. Этой ночью она осознала, что он значит для нее.

– Доброе утро, – прошептала она.

Он не понимал, почему так жадно рассматривает его. Почему глаза ее так горят, а слова такие теплые, нежные. Почему она этим утром влюбилась снова в него.

– Доброе утро. А что случилось?

Удивленно посмотрел на нее.

– Ничего не случилось.

Подползла ближе и положила голову к нему на подушку.

– Мне сегодня приснился страшный сон, я проснулась, а ты рядом лежишь. С тобой все хорошо.

Обняла его изо всех сил, она мечтала сделать это еще ночью, ей не хватало этих объятий целую вечность.

– Я благодарю Бога за то, что ты сегодня проснулся. Это самый счастливый день в моей жизни.

В коридоре послышался шум, и в комнату забежали дети. Даниил сочинил маме стишок, а Диана нарисовала рисунок, где мама такая красивая. Что и не разобрать, кем же дочь изобразила ее. То ли цветком, растущим у квадратного дома с окном, то ли солнцем, достаемым своими лучами крышу этого дома. А может, и мячиком, что лежал у ног мальчишки. Нет, маму Диана изобразила мамой. Она нарисовала всех четверых, где Папа самый большой, а хвостик любимый – самая маленькая. А Даниил был без зубов. Ничего, главное, что мяч рядом – заметил маленький поэт.

Юлия была очарована их подарками. Внимание и старания детей – это было для нее выше всяких похвал и комплиментов. Детские стихи – такие подарки не могут себе позволить даже те, кто в силах выкупить мир.

Да, я забыл вам сказать, что Его похоронили на ее День Рождения. Именно поэтому я хочу вернуть этот день. Ей исполнилось тридцать четыре, когда она выглядела на пятнадцать лет старше. За окном было двадцать девятое октября.

– С Днем Рождения, любимая.

Андрей спустился на первый этаж, а затем вернулся в комнату и бросил широкий букет, перевязанный толстыми нитками, у ее ног. Он никогда еще не дарил так много роз.

Она вскочила и бросилась ему на шею, он довольно улыбнулся, обхватив ее одной рукой.

Дети побежали вниз. Начался грохот и шум, а Юлия все не слезала с него.

– Ты представить не можешь, как мне приятно, когда цветы выше меня и мне нужно становиться на носочки, чтобы вдохнуть их аромат. Спасибо тебе. Но это ничто. По сравнению с тем, что у меня есть ты. Что я могу тебя потрогать (погладила его лоб, его щеки, его улыбку, да, ее можно потрогать, глубоко заглянула в глаза). Я могу с тобой разговаривать, слышать твой голос, словно в первый раз, незнакомый, но приятный голос. Мне кажется, я не слышала его вечность. Скажи мне хоть слово.

– А... Что мне сказать?

Растерянно улыбнулся.

– Скажи, что так будет всегда, как сегодня. Я буду просыпаться и видеть твое сонное лицо. Ты будешь всегда разговаривать со мной, а я с тобой. Как это важно – разговаривать друг с другом.

– Так будет всегда.

– Я бы хотела вернуть все те дни, когда мы молчали с тобой. То время, унесенное ссорами. Я бы хотела вернуть те часы, те минуты, когда мы хлопали громко дверью и закрывали ее на замок, то время, когда мы спали в разных комнатах. Я бы хотела его вернуть и прибавить к нашему будущему. Больше я ничего в своей жизни не хотела бы изменить. Я благодарна за все!

Андрей смотрел на нее, не понимая, что значат все эти слова, произнесенные ею сейчас.

Она слезла и взяла его за руку. Они присели на край кровати, отодвинув в сторону розы.

– Ты знаешь, ко мне сейчас пришло озарение, не важно, можешь называть это как угодно, а меня сумасшедшей. Мы сейчас же позвоним и отменим встречу с друзьями и родными. Я хочу, чтобы мы провели этот день семьей. Нет, не здесь. Мы купим билеты и немедленно полетим в Париж, а затем на юг Франции. Я не знаю, что со мной происходит, но я уверена, как никогда в своей жизни, что мы должны это сделать. И не важно, во сколько это нам обойдется. Не удивляйся, мне и самой странно слышать от себя эти слова, я практична и авантюризм природой не заложен во мне. Но я просто знаю это, как просветление или снизошедшую истину – мы должны это сделать сейчас.

Юлия засутила и начала искать паспорта.

– Я знаю... Пусть это будет самый сумасшедший шаг в моей жизни. Нет, даже не так. Мы полетим бизнес-классом, мы слишком часто отказывали себе из-за дома. Теперь мы достроили его и можем спокойно вздохнуть.

– Милая...

Он осторожно взял ее за руку.

– Объясни мне хоть что-то. Что все это значит.

– Милый, – коснулась пальцем его губ, – Доверься мне, я не могу тебе ничего объяснить, потому что и сама себя не понимаю. Но если меня ведет рука высших сил, значит, нужно следовать этому. Так нужно. Не думай ни о чем, не переживай. Что-то вокруг нас происходит такое, что поведет с закрытыми глазами туда, где мы должны сегодня оказаться.

Они спустились на первый этаж.

– Дети, собирайтесь. Мы летим в Париж...

Скованная цепями в камере пыток.

Ослабь свои руки, они сейчас слишком тяжелые. Смой все его прикосновения холодной водой. Я знаю, ты не позволишь никому больше к себе прикасаться, но на грубой коже никогда не затянется шрам. На тебе сейчас каждая рана кровоточит, не раздирай эти раны до самых костей. Оставь их, пусть они кровоточат, но не позволяй себе погибать. Слышишь?

Приложи ладонь к своей груди, сердце стучит так сильно, что может оставить синяк. Закрой глаза и следуй биению своего сердца, войди в этот ритм, а затем обмани его. Вырви из себя этот камень с нечеловеческим криком. С кровью вырви, как больной, расшатанный зуб.

Пусть соль льется и наполняет море. Пусть море выходит из своих берегов. Не пытайся вернуть его, как бы страшно это сейчас ни звучало, не пытайся идти вслед за ним. Когда ты падаешь за борт, то каждому из нас становится больно, ты ведь моя кровинка, наша кровинка, а дети – ты подумала о них? Мы не можем тебя спасти, это можешь только ты и никто другой. Мы можем только ухватить тебя за руку. А ты крепко держись, не слабей. Я надеюсь, со временем ты позволишь себе спастись.

Ты мне нужна. Ты нам нужна. Спасибо Богу за то, что ты сегодня проснулась.

Она так много рассказывала ему, будто в первый день встречи. Свои детские страхи, секреты. Юношеские шаги перед дверью во взрослую жизнь. Ах, любовь, смеется, да она никого не любила. Ей просто хотелось, чтобы он ревновал.

Они ехали в аэропорт и, сидя в такси, она снова смотрела на него, она не могла оторваться. И те редкие минуты, когда замолкала, Юлия наблюдала за каждой мышцей его лица. За каждой морщинкой, когда он хмурил брови, чувствуя, что она подсматривает за ним. Ему было неловко. Она повторяла в уме: «какие красивые глаза». «Почему я раньше не замечала этого?»

– Что тебя тревожит, скажи?

Он повернулся в ее сторону, а она смотрела на его губы, его подбородок и стала всего целовать.

– Я не понимаю, – начал он, – а она продолжала влюбляться. И на секунду он понял, что она его совсем не слушает.

– Я жалею, что раньше не замечала, какой ты. И на расстоянии протянутой руки – мне тебя мало.

Посмотрела на детей. Они смотрят в окно. Улыбнулась ему так, словно что-то задумала. И он один понимает ее секрет.

– Ты ведь совсем не слушаешь меня. Я говорю, что мы даже план поездки не составили...

Все звуки ушли на задний фон, она снова утонула в нем.

В самолете дети заняли два места у окна, она по-прежнему смотрела, только теперь на его руки.

– Мы строили дом и во многом себе отказывали? – вдруг начала она. – Я смотрю на твои руки и понимаю, почему я сейчас сижу перед тобой в этом роскошном платье. Каждое мое украшение – это рана на твоей руке, и если бы они так быстро не заживали, мне было бы больно эти камни на себя надевать. Бедные руки, можно, я поцелую?

Поднесла их к губам.

– Быт, однообразие, школа, детский сад – это все меня втянуло с головой. Ты прости меня, я не уделяла тебе того должного времени, дни теряются, мы остаемся на месте, и все это – замкнутый круг. Ты и сам это знаешь. Я хочу сделать паузу и вернуться к нам. Мы забываем друг друга, становимся чужими, и только с годами нам говорят, что наши черты переплетаются между собой, а наши лица стали похожими, как у брата с сестрой. Мы разве похожи?

Улыбнулся.

Ему было приятно, что она вела разговор в таких тонах, они давно не разговаривали так.

– И ты меня прости, я порой возвращаюсь с работы уставший и вижу перед собой только тарелку, душ и кровать.

– Знаю! Я хотела тебе сказать... Я никогда такого не говорила. Поклянись, что не скажешь никому.

Он вопросительно улыбнулся.

– Я удачно вышла замуж!

– Ха. Да пусть знают все, – рассмеялся он.

Самолет делал посадку. Еще несколько минут и встречай нас, Шарль-де-Голль. А затем отвезите нас в самое сердце Парижа.

Птицы доставили еще одну весточку с неба.

«Здравствуй сын, я никогда не думал о том, что ты повзрослеешь вдали от меня. Я не мог себе представить, что наш с тобой мужской разговор может и не состояться.

Я много думал о том, как начать мне однажды этот диалог. Я даже мысленно репетировал его, еще задолго до того, как ты начал делать первые шаги. Сынок, жизнь твоих родителей – это наша с мамой жизнь, не перекладывай на свои плечи наш груз, не иди нашим путем, иди той дорогой, куда зовет твое сердце. Возьми только самое лучшее в нас, только то, чем можно будет гордиться. Не стремись стать мною, твоя задача – стать лучше меня. Я не учитель, а только хочу тебе дать жизненно важные советы. Те необходимые знания в жизни, что позволят тебе стать полноценным. Человеком!

Не лги. Любая ложь – это проявление слабости, трусости и подгнивающей души. Тебе самому неприятно это, оно перегнивает в тебе и оставляет на теле неприятный запах, который невозможно смыть, другие чувствуют этот запах. Люди отталкивают лгунов. А многие из них пахнут не лучше. Когда ты знаешь, что тебе предстоит удар в лицо, скажи правду и прими этот удар. Тебе будет больно минуту, а уважение к себе останется на всю жизнь.

Береги себя. Это значит – беречь свое тело, заниматься им и поддерживать его в хорошей форме. Это очень важно, послушай! Уважай свое тело, не позволяй ему стать прицепом твоей прекрасной души. Запомни: силы не приходят из ниоткуда. Нужно тренировать свои мышцы, закалять свою волю и свой дух. Спорт тебе в этом поможет. Только в спорте познается истинный характер человека. Береги свои мысли. Иногда стоит навести порядок в голове и все в жизни становится на свои места. Не поддавайся дурным мыслям, они могут засесть в тебе глубоко и уничтожать, это самые коварные твари, они опасны тем, что ты даже не подозреваешь об их существовании. Они ломают людей в самых крепких телах. Думай всегда о хорошем, и ничто в этом мире не способно будет тебя победить. Береги свое здоровье. Если организм бьет тревогу – немедленно беги к врачу. Я умер от того, что все время откладывал это дело на завтра. Я не берег свое здоровье. Не повтори моей ошибки, сын.

Всегда держи свое слово и неважно, когда ты его дал – у твоего слова не должен быть срок годности. Лишь тогда оно имеет вес. Лучше скажи, что не можешь, это не лишит тебя чести, но если дал слово – ты обязан его сдержать. Честь – это главное достоинство мужчины и его привилегия, все начинается с чести, на ней же и заканчивается. Девушка не обязана держать слово, но если ты найдешь такую особу, то позволь ей стать твоим другом. Ты не ошибешься, ведь эта девушка проживет очень интересную жизнь.

Вот мы и добрались до женщины. Я не могу тебя научить, как выбрать свою половинку, на что при этом смотреть. Ты сам ее выберешь и без моей помощи. Позволь мне дать только один совет. Присмотрись к той, которая тебя уже выбрала, чаще всего – это правильный выбор. Я не стану учить тебя, как обращаться с женщиной. Посмотри на сестру и на маму и реши для себя, как нельзя с ними обращаться. Ведь твоя женщина – это чья-то родная сестра и, возможно, будущая мама твоих детей. Никогда не забывай об этом! Святое детской любви – только икона. Поэтому многие из нас принимают эту любовь за Божественный дар. Влюбляйся только детской любовью – это путь в самое захватывающее путешествие жизни.

Твой папа.

Житель Небес.

Каждый раз, когда ты смотришь на небо – я смотрю на тебя».

– Я до сих пор не могу поверить, что ты сегодня со мной. Тебя так долго не было рядом.

– О чем ты говоришь? Я каждый день с тобой.

– Ты не понимаешь. Меня никто сейчас не сможет понять – я вижу тебя впервые, хоть и знаю всю свою жизнь.

Они ехали в такси по городу мечты. Кто-то однажды сказал, что в Париже исполняются желания. И с тех пор этот город обрел бессмертие.

– Остановите на минутку здесь.

Она показала водителю пальцем.

– Пойдем, – повернулась к нему.

– Дети, мы сейчас вернемся.

Их внимание привлек француз на дороге, разговаривающий громко с другим французом. Они не понимали их языка, и им это показалось забавным.

– Пойдем, пойдем...

Взяла за руку.

Они вышли у сада, где стояла пара и целовалась, так страстно пылал их поцелуй, что хватило одной лишь искры, чтобы разжечь вокруг себя пламя.

– Я хочу французский поцелуй. Целуй меня, – закрыла глаза и протянула руки к нему. Ее охватила романтика, не хватало только музыки.

Он обнял ее и поцеловал. Так жадно, будто выпивал ее душу. Те вдохновители, что изображали чувственность губ, они немного удивились, когда отошли от поцелуя и увидели рядом пару. Они засмеялись так искренне, тихо, чтобы не помешать тем новым распахнутым крыльям, чьи сердца однажды пленил Париж.

– Настоящий французский поцелуй можно испытать только в Париже.

Это первое, что пришло ей в голову, когда она открыла глаза. Дети смеялись и показывали пальцами в окно на этих влюбленных родителей.

«Здравствуй, Диана.

У тебя такое прекрасное имя, принцесса. Ты не представляешь, сколько человеческой красоты я вложил в тебя. Когда вырастешь, ты это поймешь, глядя на себя в зеркало. И всякий раз, когда будешь проходить мимо зеркал, ты остановишься, чтобы полюбоваться собой. Тебя будут окружать одни мужчины – знай, это грех твоего отца. Твоя красота – это твой дар. Не растрачивай себя понапрасну.

Мне нечему тебя научить, у тебя будет все, чего ты себе пожелаешь. Я бы хотел поговорить с тем мужчиной, который однажды наденет кольцо на твой безымянный палец. Мне есть, что сказать человеку, которому ты позволишь притронуться к своей молодости.

Я хочу, чтобы ты знала – у тебя есть отец. Ты только чаще улыбайся небу. И не удивляйся тому, что в моменты грусти твоей начинается дождь. Разве папы подружек так могут? Ты – моя дочь, и я оберегать тебя буду до конца твоей долгой жизни. Господь прибавил мои непрожитые годы вам.

Знаю, ты сейчас плохо спишь, я не хочу тебя напугать, но эти ночи я провожу рядом с тобой. У тебя сейчас такой возраст, когда ты можешь еще увидеть меня на яву, принимай это, как сон. Это последние месяцы, когда ты можешь видеть своим третьим глазиком, совсем скоро ты лишишься этого зрения, и я начну приходить к тебе только во снах.

Твой папа. Из города ангелов.

Улыбайся небу. Твои слезы потопят весь мир».

***

Они гуляли по Марсовому полю. Стояла солнечная погода, что редкость для осеннего города любви.

– Эйфелева башня так близко, что можно потрогать. Это лучший подарок на мой День Рождения.

– Давайте пообедаем на верху башни. Я уверен, там открывается потрясающий вид на весь город.

Дети закричали: «Давай!»

Панорамные стекла. Вид захватывает дух, такое чувство, словно ты родился в этом городе. И не желаешь его покидать. Приятное чувство легкого трепета на душе. На такой высоте особенно ощущается город, даже слышно его ускоренное сердцебиение.

– Тебе не кажется, что это все ненастоящее? Будто сделано искусственно для нас.

Она смотрела в окно.

– У меня такое странное ощущение, будто я уже был здесь. Сидел за этим столом и слушал твой вопрос. Мне передается твое беспокойство, тревога, и на секунду меня охватила эмоция, что случится беда.

Он посмотрел на Даниила. Тот рассказывал что-то Диане, трогая пальцами стекло.

– Юлия...

Колебался он, но затем продолжил.

– У тебя бывают такие слова, которые приходят к тебе, когда ты смотришь на детей? Тебе хочется им что-то сказать такое важное, что в корне могло бы изменить их будущее? Дать какой-то ценный совет, которому они бы следовали слепо, зная, что он приведет их в нужное место. Возможно, я непонятно выражаюсь, и ты не можешь уловить ход моей мысли, но когда я смотрю на сына, я вижу его взрослым и хочу взять его за руку и отвести от всех земных бед.

Юлия заглянула ему в глаза.

– Так скажи, что мешает тебе? Объясни ему все, что считаешь нужным сейчас.

– Я не могу. Он меня сейчас не поймет, я скажу ему об этом позже, когда он вырастет и начнет делать свои первые взрослые шаги, когда начнет подворачивать ноги и получать синяки. Когда он начнет вставать, как бы ни было больно, когда он скажет себе, что все выстоит. Всегда легче падать, когда знаешь, что есть такая рука, которая поможет тебе подняться. Чтобы там ни случилось.

– Ты никогда не говоришь детям, как ты их любишь, что они значат для тебя. Ты делаешь поступки, но это оцениваю только я – твоя женщина, ты меня этим покоряешь, а детям иногда достаточно всего лишь несколько теплых слов. Говори им чаще, не стыдись, ведь им же не стыдно напоминать тебе, что ты самый лучший папа. Тебе ведь это приятно слышать?

Он задумался.

– Почему мы так редко с тобой разговариваем?

– Мы не всегда готовы слушать друг друга. Чаще нам приходится слышать о себе от других – тех, кто не побывали в нашей коже, не построили наш с тобой дом, не прошли нашу войну, но при этом все знают о нас. Порой, они говорят так убедительно, что ты принимаешь эти слова за истину.

– Кто – они?

– Все, кто, так или иначе, касается нашей жизни – родные, друзья и коллеги. Они могут говорить даже в шутку, они обычно так и говорят, и ничего дурного не несут в своих словах. Но ты перестаешь однажды смеяться над этой шуткой, когда обнаруживаешь ее в своем доме, в своей спальне, а главный герой этой комедии лежит в одной постели с тобой. Мы перестаем разговаривать и уже не смеемся в десятый раз про себя над этой потехой, нам уже не смешно, и тогда в дверь стучится отвращение, а вслед за ним входит ненависть.

– Ты меня ненавидишь?

Посмотрел на нее. Она опустила глаза.

– Нет, я себя ненавижу за то, что позволила однажды в тебе усомниться. Это была моя слабость, и я сделала непростительную ошибку. Но моя вера в тебя всегда была настолько

сильна, что, наступая ногой в пропасть перед собой, я не падала, а наслаждалась этим коротким, захватывающим полетом, когда есть крылья за спиной и пусть они не мои, а чужие. Это сильнейшее чувство, сильнее всех остальных.

Загадывайте самые заветные желания, каждый раз гуляя под звездным небом.

Просите все, о чем только можно мечтать. Все ваши желания сбудутся.

«Здравствуй, Даниил.

Я хочу сказать тебе очень важное. Я люблю тебя и всегда тебя, мой ребенок, любил. Мне не стыдно целовать своего сына, а ты спросонья морщишься и вытираешь лоб. И ты чаще целуй своего сына, это сильнее молитвы оберегает от бед.

Береги маму, а у твоей сестры будет новый отец – это ты. Относись к ней, как к дочери, прощай ее слабости, она – стебель намного тоньше тебя. Относись к ней нежно, будь всегда аккуратен, в вас течет одна кровь. И даже, когда она будет отталкивать тебя в сторону, наблюдай с расстояния за ней, будь мужественным всегда сделать шаг ей навстречу. У нее никого нет, кроме тебя, а ты стань для нее всем.

Никогда не переступай через семью. Семья – это твоя Библия, твоя Икона, твой Дом. Это святыня жизни. Не предавай то, что дороже всего. Эта святыня со временем станет больше, но не забывай никого. Ты – человек, мужчина – ценность семьи. У твоей мамы самое хорошее настроение бывает тогда, когда с тобой все в порядке. Береги себя, как я тебе говорил. Все, чтобы ты ни делал в своей жизни – все отражается на семье. Любой твой шрам – это шрам твоих родных. Твои достижения – это гордость для всех, нас охватывает неземное чувство достоинства. Твои победы – это наши победы. Мы будем складывать все в сундучок и безмерно гордиться тобой.

Твой отец.

Живущий за облаками».

Мне не дает покоя одна мысль. Он умер за день до ее День Рождения, и каждый следующий год – как напоминание об утрате. Через сколько лет она позволит себе улыбнуться в свой День? Это праздничный миг, когда душа требует особого внимания к себе, и ты живешь предвкушением. Для женщины – это очень важное событие. Она ждет подарков, комплиментов, стихов. В этот день Юлия ждала своей смерти.

Когда наступит следующий год, двадцать девятого октября, она придет к нему на могилу – сегодня у него годовщина. И так каждый год, пока не заживет, десятками лет кровоточат эти открытые раны. Бедная Юлия, твоей жизни не суждено стать прежней. Ты перестанешь считать свои годы и никогда не будешь стареть.

Если это расплата, то я хотел бы узнать – за что?

***

– С Днем Рождения, дорогая.

Загорелись ее глаза.

– Ты только молодеешь с каждым годом и становишься легче на килограмм. Я и не знаю, что можно пожелать человеку, который имеет все. Ты и так все о себе знаешь. Я горжусь тем, что у меня такая жена.

Она поднялась и обхватила его шею руками сзади. Поцеловала в щеку.

– Я хочу с тобой обвенчаться.

Он заглянул ей в глаза.

– Ты уверена?

– Да, я уверена. Я сегодня поняла, что ты именно тот человек, с кем я хотела бы встретить не только дряхлую старость, но и вечную молодость. Я бы хотела войти с тобой в Эдемский сад, где души поют голосами птиц, а когда подходишь к реке, то видишь в ее отражении лица детей. Счастливых, взрослых детей. Они старше нас с тобой, а их дети ровесники нашим сейчас.

Затаила дыхание, будто представила себе это место бессмертия.

– Мы будем с тобой запускать ласточек в небо, шептать им слова, которые нужно доставить. Они будут лететь с наших рук получателям в сон, ведь у нас время разное с их планетой. Когда у нас день, на Земле уже поздняя ночь. Мы не станем их будить, пусть они побудут дольше с нами.

Андрей взял ее руку.

– Нет ничего прекраснее, чем умереть в один день. Или на следующий день после того, кто первый из нас покинет тело. Я не могу представить себе, как можно жить, смириться со смертью другого и отпустить его в этот путь одного. Нет ничего страшнее разлуки, когда две души срослись в одно целое, когда судьбы завязаны в узел, когда бьются наши два сердца, а эхом за ними – еще два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.